

Волшебник шёл по городу. Солнце отражалось в мокром после ночного дождя асфальте, в витринах закрытых ещё магазинов. Маленькими зайчиками оно проникало сквозь кроны деревьев и, попадая в глаза волшебника, заставляло того щуриться и смешно морщить нос на симпатичном молодом лице. Лёгкий ветерок гладил короткую стрижку тёмных волос и закидывал на плечо галстук, надетый на светлую рубашку, в тщетной попытке придать себе хоть капельку солидности. Ибо очень тяжело выглядеть солидным, когда тебе всего двадцать пять лет, а выглядишь ты не более чем на двадцать. Этот легкомысленный внешний вид, с некоторого времени волшебника, очень огорчал, и он проводил немало времени перед зеркалом пытаясь добавить себе лет. Но сегодня ничего не могло испортить ему настроение. Сегодняшний день можно было без преувеличения назвать одним из самых важных дней в его жизни. Его окутывало сладкое предчувствие удачи. Всё должно получиться! Это подтверждала и прекрасная майская погода, и удача утренней тренировки, на которой он смог сделать что-то новое. И даже насмешивший его лозунг, оставшийся на стене после недавних майских праздников — «Откроем новую частицу к 70-летию Октября». По городу физиков шёл на работу радостный волшебник.

В жизни Леонида Степановича Харламова всё удавалось с детства. Судьба явно благоволила к маленькому Лёне. Про таких говорят, что они родились с серебряной ложкой во рту. Из детского дома, где десятки малышей тщетно ждали мам и пап, он в два года был усыновлён состоятельной супружеской четой, которая к сорока годам поняла, что своих детей им не видать. И которая была буквально очарована маленьким Лёней, стоило тому произнести пару фраз. На него они обрушили весь поток нерастроченной родительской любви, и ни разу за всю свою жизнь Лёня не почувствовал, что он приёмный ребёнок. В детском саду, ему отдавали лучшую игрушку. В школе он сидел на парте у окна, и его никогда не вызывали, когда он не выучил урок. Он абсолютно не боялся экзаменов, потому что ему всегда попадался выученный билет. Впрочем, к чести Лёни надо заметить, что он своей удачей не злоупотреблял и быстро разучился воспринимать её как нечто само собой разумеющееся.

Дело в том, что с самого детства Лёня был окружён какими-то светящимися облаками, которые то принимали вид волны от упавшего в пруд камня, то сгустков, проникающих один в другой и окружавших предметы и людей. Они показывали ему содержимое карманов и закрытых ящиков, он мог увидеть перевернутую вверх рубашкой карту. По светящимся ореолам вокруг людей легко распознавал их настроение и здоровье. Однако попытка поделиться увиденным с окружающими ни к чему хорошему не приводила. И Лёня, после двух-трёх случаев, ещё в раннем детстве научился помалкивать. Сначала эти видения сильно ему мешали, но после долгих тренировок он научился не то чтобы отключать, а как бы помещать на задний план сознания и вызывать только в случае необходимости.

Один случай открыл ему глаза. Упавшая с парты дорогая четырёхцветная шариковая ручка, подаренная приехавшим из-за границы знакомым родителей, внезапно, подчиняясь желанию, зависла в воздухе. В этот момент вокруг его протянутой руки обвилась какая-то прерывистая световая линия, и ручка вернулась на парту. К счастью, никто тогда не обратил на это внимания.

С тех пор Лёня Харламов стал проводить секретные тренировки по перемещению предметов и скоро смог переместить трёхлитровую кастрюлю с водой на расстояние четырёх метров. Кроме того, он обратил внимание, что вода в кастрюле меняет свою температуру и научился по своему желанию замораживать её или доводить до кипения. Каждый раз при этом вокруг него возникали потоки светящихся частиц. Это были явно не фотоны, так как никто кроме Лёни их не видел. Попытка разобраться и привела его на физико-математический факультет московского университета, сначала на кафедру элементарных частиц. Правда, уже вскоре Лёня сообразил, что наблюдаемое им явление вряд ли имеет вещественный характер, скорее

это был особый вид поля или особое состояние материи, внешне похожее на низкотемпературную плазму. От низкотемпературной плазмы он плавно перешёл к высокотемпературной. А затем не на шутку увлёкся управляемым термоядерным синтезом. Созданию устойчивого шнура высокотемпературной плазмы и была посвящена написанная им после аспирантуры кандидатская диссертация. При этом он ни на один день не прекращал своих тренировок. Только теперь гантели и кастрюли с водой заменились на точные весы, динамометры, термометры, обнаружители электромагнитных полей, счётчики Гейгера и тому подобные приборы.

Да, день сегодня был определённо замечательным, даже если бы сегодня ничего больше не произошло, сам факт того, что утром он смог поднять себя в воздух, уже привёл его в восторженное состояние. Ведь это означало, что со временем он сможет летать. А ведь на сегодня был назначен эксперимент по созданию устойчивого пучка высокотемпературной плазмы по той концепции, которую он предложил в своей диссертации. Если удастся удержать пучок не в течение двух-трёх миллисекунд, как сейчас, а несколько сотен, то перед термоядерной энергетикой открывались такие перспективы, что голова шла кругом.

Тут Лёня заметил широкую лужу, перегородившую весь тротуар. Не сумев удержаться, он разбежался и проехал по ледяной дорожке, которая возникала перед ним и мгновенно пропадала сзади. Краем глаза он заметил открытый от изумления рот какой-то пожилой женщины и лихо подмигнул ей, одновременно внутри ругая себя за неосторожность. Ему вовсе не улыбалось, чтобы вокруг его фигуры ходили разные слухи. То, что с этой силой надо быть поосторожнее, он понял уже давно.

Как-то в парке он увидел двух подвыпивших подонков, пристававших к молоденькой девушке. Мгновенный неосознанный всплеск гнева привёл к тому, что оба негодяя, схватившись за голову, свалились в глубоком обмороке. Лёня ускользнул незамеченным и только дома понял что произошло. Мгновенный подъём температуры мозга до сорока пяти градусов привёл к потере сознания. Хорошо ещё, живы остались. Если б поднял до шестидесяти, сразу кирдык.

Чего на него нашло сегодня? Совсем об осторожности забыл, как мальчишка. Видимо сказался общий подъём настроения. Хорошо ещё, не полетел, то-то завтра разговоров было бы.

— А вот и наш кадет, — раздалось приветствие, когда он открыл дверь лаборатории. Лёня не обиделся. Кто-нибудь другой, глядя на человека в мятом синем халате с торчащими из-под него потёртыми джинсами, вряд ли бы догадался, что это доктор наук, профессор, член-корреспондент и прочее, и прочее, и наконец начальник лаборатории Павел Семёнович Харица. Для своих просто Пал. С джинсами, кстати, был связан смешной случай. В позапрошлом году Пал летал во Францию для закупки научного оборудования и приборов. Когда, через пару месяцев, стали распаковывать пришедшие в лабораторию ящики, в одном из них обнаружился большой пакет с новенькими джинсами на всех сотрудников. Оказывается, Харица закупил джинсы на все свои командировочные, а чтобы не связываться с таможней попросил сотрудника фирмы отправить их вместе с оборудованием. Когда ему попытались предъявить претензии в парткоме института, он заявил, что если государство не в состоянии обеспечить его и сотрудников удобными штанами, то ему надо не термоядерными реакциями заниматься, а открывать мастерскую по пошиву одежды. Скандал предпочли по-тихому замять.

— Ну что, кадет, готов?

— Да, Павел Семёнович.

— Тогда, давайте, с Богом.

Лаборатория ничуть не была похожа на те, что изображают в фантастических фильмах. Никакой таинственной обстановки, никаких странного вида цилиндров, оплетённых многочисленными трубами, никакого сверкания разрядов и мигающего света. Светлая, уставленная столами с приборами комната, шесть или семь сотрудников и Лёня.

— Готовы? Начали.

Щёлкнула кнопка на одном из пультов. Напряжение поступило на обмотки электромагнитов, которые должны были удерживать создающийся плазменный шнур. Никто не собирался сегодня заниматься термоядерным синтезом. Поэтому сама установка находилась в подвале этого же здания. Собственно, эксперимент должен был проверить рассчитанную Лёней схему расположения электромагнитов и алгоритм подачи на них напряжения с целью максимальной стабилизации плазменного шнура, температура которого при необходимости могла достигать миллионов градусов.

— Поле стабильно. Включить высокое.

— Включаем. Накопление закончено. Разряд. Есть образование шнура. Срыв потока. Время удержания семьдесят миллисекунд.

В тишине лаборатории раздались аплодисменты.

— Ну что, кадет, поздравляю. Вы производитесь в звание подпоручика. Увеличение в девять и восемьдесят семь сотых раза. Если сможем дотянуть до ста пятидесяти милисек, термояд можно будет рассматривать как реальность.

— Да, Пал Семёнович.

— Можно просто Пал.

Лёня чуть не зажмурился. Его принимали в свои. Это в науке порой значило больше, чем академическое звание.

— Что у нас там дальше по списку?

— Сейчас прогоним ещё десяток раз для подтверждения результата. А затем начнём менять режимы. Мне кажется, мы ещё не всё выжали из этой схемы.

— Ну давай. Что так смотришь? Хочется сбегать своими глазами посмотреть?

— Да, Павел Се... Да, Пал, моя первая установка.

— Ну сходи, пока ребята гоняют подтверждение результата.

— Спасибо, — и на ходу стаскивая халат, Лёня устремился к двери.

Собственно, сама установка представляла из себя собранный из огромных сегментов бублик высотой метра три и метров шестьдесят диаметром. Через равные промежутки на трубу были одеты кольца электромагнитов. В нескольких местах прорезаны наблюдательные окна с кварцевыми стёклами, закрытые изнутри бронешитками. Поскольку испытания сегодня велись на малой мощности, то щитки были отодвинуты.

Стоя на решётчатом помосте, Лёня видел один из мощных электродов, окружённый коронарными разрядами. Внезапно его охватило тревожное предчувствие, что-то шло не так.

Вместо импульсного разряда вокруг электрода разрасталось светло-сиреневое свечение, похожее на свечение отключённого от антенны телевизора. В этом свечении угадывались какие-то тени, затем, вдруг, на первый план выступило красивое молодое лицо какого-то парня. Похоже, тот что-то кричал. Затем изображение скачком улучшилось. Это не изображение, понял моментально вспотевший Лёня. Эта самая, что ни на есть, мать её, реальность. В это время оторвавшееся от электрода кольцо диаметром метра два пошло к стене. Лёня с ужасом заметил, как по краю кольца срезаются почти метровой толщины металлические стены, как прямо на него падает, лишившийся опоры, многотонный электромагнит. Последним усилием воли он попытался отвести падающую громаду в сторону. Но сил, как и времени, катастрофически не хватало... Наступила темнота.

<http://tl.rulate.ru/book/12842/247138>